

Царь Давид, царь Симеон и вещий Боян

100 лет назад, в 1895 г., А. И. Яцимирский обнаружил в Кондрицком Свято-Николаевском скиту в Бессарабской губернии (в Молдавии) рукопись сер. XVII в., в которой была запись о книжной мудрости и о болгарском царе Симеоне как ценителе и собирателе святых книг.¹ Эта запись, восходящая к Похвале царю Симеону в «Изборнике 1073 г.», после публикации А. И. Яцимирского стала хорошо известна всем славистам: «А се многы царие мудры бѣшу и книги многы написаху...». Далее называются царь Соломон, Ориген-еретик, Исидор Пелусиотский, Птоломей-книголюбец и Симеон, царь болгарский, который «исписа многы книги и яко Давид царь на златы струи (ї) играаше и книги паче всех любѣаше». «В этой записи, — отмечал А. И. Яцимирский, — интересны последние слова, дающие известный намек на участие болгарского царя Симеона в составлении Златоструя».² Вопрос этот — предмет давних научных споров, и сейчас мы не будем его касаться. Как на некоторую аналогию приведенной записи А. И. Яцимирский указал на Послесловие к «Златострую», изданное в исследовании В. Н. Малинина:³ «Сиа книги Златоструя нарекыше, ельма же Духа Святаго учения, аky златыми струами человеky сладкыми рѣчьми омываа<...> къ Богу приводит». В 1980 г. вопрос о возникновении названия сборника «Златоструй» был разобран Пейо Димитровым⁴ и сделан обзор всей предшествующей литературы.

А. И. Яцимирский высказал предположение о русском происхождении записи в молдавской рукописи XVII в. В дальнейшем, рассматривая Похвалу царю Симеону в «Изборнике» и ее следы в средневековой славянской книжности, многие авторы обращались к записи в рукописи А. И. Яцимирского, но не ставили вопрос о ее происхождении. Однако, как кажется, никто не обратил специального внимания на то, что фраза «А Симеон царь болгарский исписа многы книги и яко Давид царь на златы струи играаше и книги паче всего любѣаше...» только внешне совпадает или, во всяком случае, приближается к текстам Похвалы Симеону и Послесловия к Златострую. Прямой аналогии в них нет. Правда, П. Димитров заметил, что в записи XVII в. переписчик невольно спутал слова «струны» и «струи». По

¹ Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. СПб., 1908. Вып. 1. С. 4.

² Там же.

³ Малинин В. Н. Исследование Златоструя по рукописи XII в. Имп. Публичной библиотеки. Киев, 1878. См. также Малинин В. Н. Десять слов Златоструя XII в. в СПб. 1910.

⁴ Димитров П. Около предисловия и названия на «Златоструй» // Език и литература. 1980. № 2. С. 17—28. См. Thomson F. Chrysostomica paleoslavica. A preliminary study of the sources of the Chrysorrhoeas (Zlatostruj) collection // Cyrillomethodianum Thessalonique, 1982. Vol. 6. P. 1—65.

нашему мнению, выражение «яко Давид царь на златы струи играаше» предполагает, конечно, не «струи», а «струны», и в первоначальном тексте этой записи, скорее всего, читалось именно «струны», о чем свидетельствуют предлог «на» и глагол «играаше». В других близких текстах сравнения Симеона с Давидом вообще нет. Так ли уж «невольно» переписчик спутал слова, и что стоит за этой путаницей?

Смешение слов «струны» и «струи» не простая ошибка. Их образно-семантическую близость хорошо чувствовали древнеславянские переводчики, ориентирующиеся на тексты Псалтыри царя Давида. И. И. Срезневский в своем «Словаре»⁵ дал главное значение слова «струна» — «волос, упругая нить». В качестве примера И. И. Срезневский привел цитату из Псалтыри в майской Минее XII в.: «Оустынама движа яко же струнами, яко бряцаниемъ языкомъ движа». Царь Давид — составитель и исполнитель псалмов под струнный аккомпанемент. Его речи, конечно, могли быть сладкими (ибо сладка премудрость!) и изливаться златыми струями. Но ведь такой характеристики Давида в записи молдавско-бессарабской рукописи нет. Однако запись находит очень близкое соответствие в двух других известных древнерусских памятниках: в «Слове на воскресение Лазаря» и в «Слове о полку Игореве». Эти аналогии позволяют подтвердить предположение о первоначальном чтении «струны» вместо «струи» в рукописи А. И. Яцимирского. Оба сочинения были сопоставлены между собой в небольшой заметке Боню Ангелова в 1983 г.⁶ В ней автор опирается на комментарии «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“»,⁷ где составители приводят в качестве лексической и образной параллели к фрагменту «Слова о полку Игореве» о песнях «вещего Бояна» текст о царе Давиде из «Слова на воскресение Лазаря». Кроме упомянутого Б. Ангеловым А. Н. Пыпина, указавшего на эту параллель, ее отмечали И. Я. Порфирьев, И. Я. Франко, В. Н. Перетц, В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин. Б. Ангелов добавил сравнительный материал из «Слова на воскресение Лазаря» по спискам, не учтенным в свое время комментаторами «Словаря-справочника». Это списки «Слова» из собрания РГБ, ф. Ундольского, № 574 и 575, оба XVI в., и РНБ, собр. Погодина, 871, нач. XVII в.

В качестве еще одной параллели к выражению «живые струны» «Слова о полку Игореве» болгарский исследователь привел «Задонщину». Мотив игры на гуслях, выраженный в сходных словах, отмечен автором как общий для трех древнерусских памятников — «Слова о полку Игореве», «Слова на воскресение Лазаря» и «Задонщины». Этот мотив присутствует и в «Предисловии» к Хронографу 1641 г., опубликованном А. С. Деминым⁸ и рассмотренном мною в 1987 г.⁹ В «Предисловии» к Хронографу 1641 г. фразы об игре царя Давида на гуслях, в которых встречаем выражения «живые струны» и «многоочитая персты», восходят к упомянутым древнерусским памятникам. Б. Ангелов не рассматривал подробно совпадения во фразах об игре Давида, он был склонен считать образ играющего царя-певца общим для многих восточно- и южнославянских памятников. С этой точки зрения в его статье были впервые сопоставлены «Слово о полку Игореве», «Слово на воскресение Лазаря», «Задонщина» и запись в молдавской рукописи

⁵ Срезневский, Материалы СПб., 1912 Т. 3 Р—М

⁶ Ангелов Б. За изрече «Живые струны» в «Слове о полку Игореве» // Език и литература 1983 Кн. 5 С. 89—92

⁷ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова Л., 1967 Вып. 2 (Д — копей) С. 82

⁸ Демин А. С. «Слово о полку Игореве» и предисловие к «Хронографу» 1641 г. // «Слово о полку Игореве» Памятники литературы и искусства XI—XVII веков М., 1978 С. 87—94

⁹ Рождественская М. В. Об одной записи к «Зерцалу богословия» Кирилла Транквиллиона // Исследования по древней и новой литературе Л., 1987 С. 190—194

А. И. Ядмирского. Попробуем рассмотреть их более внимательно. По-видимому, совпадение выражения «живые струны» или «златые струны» в разных текстах не случайно. Это выражение оказалось устойчивым, и то, что оно связало между собой имена царя Давида, царя Симеона и «вещего Бояна», свидетельствует о его многозначности.

Болгарского царя Симеона сближает с ветхозаветным Давидом то, что, во-первых, он тоже царь, во-вторых, он тоже воплощает собой книжную премудрость и его эпоха, эпоха царя Симеона, — это время расцвета болгарской книжности: царь Симеон понимает значение книжного знания для процветания страны. В-третьих, подобно царю Давиду, «устроившему» Псалтырь и гусли, царь Симеон — предполагаемый переводчик и составитель книг.¹⁰

Обратимся теперь к образу царя Давида. В памятниках древнерусского искусства царь и пророк Давид имеет еще одну черту. Играющим на струнах гусель в окружении фантастических (райских?) птиц и растений он изображается на фасадах владимиро-суздальских храмов Северо-Восточной Руси или на заставках древнерусских рукописей (в виде буквицы Д — добро).¹¹ Этот Давид вызывает у исследователей и зрителей прежде всего логическую аналогию с «вещим Бояном» из «Слова о полку Игореве». В основе такого сближения лежит, конечно, образ поэта-певца-прорицателя, присущий и эпической (языческой по своему происхождению), и книжной (христианской) традициям. Соответственно, и мудрость этих певцов и прорицателей разная по сути своей: это мудрость земная и мудрость божественная, когда первая провидит конец одного человека, а второй ведом конец света. И тем не менее определенное сходство образов «вещего Бояна» и царя Давида очевидно и заслуживает более пристального внимания.

Расширив тот поневоле ограниченный материал, которым располагал Б. Ангелов, можно подтвердить текстовую связь между «Словом о полку Игореве», «Словом на воскресение Лазаря» и «Задонщиной». Дело в том, что сходство фрагмента об игре вещего Бояна в «Слове о полку Игореве» с фрагментом о царе Давиде в «Слове на воскресение Лазаря» отмечали многие исследователи, но обычно это сравнение «струнным эпизодом» и ограничивалось. Наши наблюдения показывают, что оба этих литературных текста связаны между собой более важными сюжетными, стилистическими и смысловыми связями,¹² но сейчас нас интересует только одна из множества других параллелей: Боян и царь Давид. Напомню совпадающие в обоих текстах фрагменты, касающиеся только Бояна и Давида.

1. «Слово о полку Игореве»: «Боянь же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, но своя вѣщца прѣсты на живая струны въскладаше»¹³

¹⁰ Вопрос о роли царя Симеона в составлении «Златоструя» имеет обширную научную литературу, и мы сейчас его не рассматриваем. Совсем недавно болгарский ученый Рашо Рашев сопоставил царя Симеона по его исторической миссии и территориально-политическим претензиям, по идее богоизбранности своего народа с библейским пророком Моисеем (царь Симеон — новый Моисей). См. Рашев Р. Цар Симеон, пророк Моисей и българският златен век // 1100 години Велики Преслав Великопреславски научен събор (16—18 септември 1993 г.) Шумен, 1995 Т. I С. 55—73. Благодарю Елену Коцеву, указавшую мне на эту статью. Кстати, может быть рассмотрена еще одна параллель к образу царя Симеона как собирателя книг и покровителя книжного дела — это Ярослав Мудрый и знаменитая «Похвала книгам» в «Повести временных лет» под 1037 г.

¹¹ Даркевич В. П. Музыканты в искусстве Руси и вещий Боян // «Слово о полку Игореве» и его время. Сб. статей М. 1985 С. 322—342. Вспомним об образе соколиной охоты, сопровождающей Бояна во Вступлении «Слова».

¹² Рождественская М. В. «Слово на Лазарево воскресение» в его отношении к «Слову о полку Игореве» // Русская и грузинская средневековые литературы. Тбилиси, 1992 С. 157—164.

¹³ Текст «Слова» цитируется по изданию «Слово о полку Игореве» Л. 1990 С. 47—68 (Б-ка поэта. Малая сер. 4-е изд.)

2. «Слово на воскресение Лазаря»: «Глаголаше Давыд: <...> накладая очитая (многоочитая) персты на живыя струны» (Пространная ред. по списку сер. XV в.) или «Удари, рече, Давид, в гусли и возложи персты своя на живыя струны, и иныя накладая...» (Краткая ред., по списку нач. XVI в.)

3. Третий текст, включаемый в этот сравнительный ряд, — «Задонщина». При сравнении с ним выясняется, что во фрагменте о «струнах» «Слово на воскресение Лазаря» ближе к «Задонщине», чем к «Слову о полку Игореве». Рассмотрим совпадающие фразы.

Имя Бояна в «Задонщине», как известно, сохранилось только в Кирилло-Белозерском списке, переписанном книгописцем Ефросином (1470 г.). Здесь персты Бояна названы «златыми», тогда как в других списках «Задонщины» встречается чтение «горазныя» (список Ундольского) и «гораздыя» (список И—1). В Синодальном списке вместо перстов читаются «белыя руци». О. В. Творогов предположил, что, «видимо, уже в архетипе Синодального извода этот эпизод подвергся правке: „гораздыя“ персты были заменены „златыми“, в Синодальном списке этот эпитет был перенесен на струны, а на место златых перстов стали фольклорные „белые руци“».¹⁴ Автор «Задонщины» не передал всю полноту этого образа, отметив только быстроту передвижения пальцев Бояна по струнам. Эпитет «златой» присутствует в разбираемом фрагменте «Задонщины» еще в одном случае, когда златыми названы уже не персты, а струны — в Синодальном списке: «Накладает свои белыя руци на златыи струны». Слова «живые» здесь вообще нет, тогда как во всех других списках «Задонщины» встречаем чтение «живыя струны», как и в «Слове о полку Игореве» и как во многих списках «Слова на воскресение Лазаря». Напомню, что в первых двух памятниках речь идет о Бояне, в третьем же — о пророке и царе Давиде.

Сочетание слов «златыя» и «живыя» в одной фразе, правда, по отношению к разным предметам («златыя» персты и «живыя» струны), дает Кирилло-Белозерский (Ефросиновский) список «Задонщины». Такое же сочетание, но примененное уже только к струнам (златыя и живыя), встречаем в Пинежском списке 1533 г. «Слова на воскресение Лазаря»: «Тогда рече великий царь, пророк Давид, сидя в преисподнем аде, накладая многоочитыя персты на златыя и живыя струны». Данное чтение в «Слове на воскресение Лазаря» индивидуально. Это и неудивительно, так как Пинежский список (ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, собр. Пинежское, № 280. По нашему обозначению — П2) вообще содержит ряд индивидуальных чтений. Он принадлежит к той группе списков Пространной редакции «Слова на воскресение Лазаря», которая полнее других отразила его архетипные черты. Пинежский список выделяется и в своей группе: переписчик использует особые источники, текст носит черты своеобразной «фольклоризации» и т. п. Можно поэтому предположить, что именно чтение Пинежского списка, вместе с текстом «Задонщины», хотя в нем речь идет о Бояне, а не о Давиде, стало источником записи в молдавско-бессарабской рукописи А. И. Яцимирского.

Но не только фразы о перстах и струнах, а текст, сопровождающий этот фрагмент о пророке Давиде в «Слове на воскресение Лазаря», обнаруживает параллели с «Задонщиной», прежде всего по смыслу, по синтаксическому построению и по противопоставлению темы печали теме веселия. Сравним:

1. «Слово на воскресение Лазаря»: «Воспойм весело, дружино, днесь, а плач отложивше, утешимся» (Краткая ред.); «И воспойм песни тихи и ве-

¹⁴ Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова» М., Л. 1966 С. 316

селя, о друзи мои, днесь положим плач и скорбь (или: тугу и печаль), но утешимся Господом и Богом нашим» (Пространная ред.).

2. «Задонщина»: «Снидемся, братия, и друзи, и сынове рускии, составим слово к слову, возвѣсем Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребий...».¹⁵

Итак, «отложим (положим) печаль (тугу, скорбь)» в первом случае; «возвѣрзем печаль» — во втором. Соответственно, «воспоим весело; воспоим песни тихи и веселья; утешимся» в первом примере; «составим слово к слову, возвѣсем Рускую землю» — во втором. Можно было бы привести еще ряд близких конструкций. Значит ли это, что автор «Задонщины» обращался как к источнику не только к «Слову о полку Игореве», но и к «Слову на воскресение Лазаря»? Не занимает ли последнее промежуточное положение между «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной»? При ответе на этот вопрос необходимо учесть следующее: «Слово на воскресение Лазаря» обнаруживает столь явные параллели с сочинениями Климентя Охридского, Кирилла Туровского, с кругом святоотеческой и апокрифической литературы на тему Воскресения и Сошествия во ад, что, кажется, нет сомнения в его раннем (рубеж XII—XIII вв.) происхождении. Более того. Одним из важнейших мотивов «Слова о полку Игореве», которого нет в «Задонщине» (или он там отчетливо не выражен), является мотив Гибели/Воскресения.¹⁶ Тот же мотив лежит в основе и «Слова на воскресение Лазаря».

Одним из проявлений типологической и смысловой близости двух «Слов» и явилась параллель: вещий Боян — пророк Давид. Боян и Давид связаны не только описанием их струнной игры. Оба наделены пророческим-провидческим даром: Давид томится в аду и предвещает рождение Христа и скорое спасение пленников. Оба — и Боян, и Давид — переходят мыслью от прошлого к настоящему и будущему, пересекая границы времени. Оба определяют композицию текстов, способ авторского повествования, их художественную систему. Воспринятые древнеславянскими книжниками как единый мифологический образ, они вместе с тем оба — поэты своего мира: Боян — мира языческих представлений, Давид — библейско-христианской мудрости. В последующей русской литературной традиции образ псалмопевца Давида стал символом книжного поэта-гимнографа, а имя вещего Бояна уже в конце XVIII в. воспринималось, скорее, в эпическом плане, «как имя первого „барда“ Древней Руси и как нарицательное обозначение древнерусских поэтов вообще».¹⁷

Итак, вернемся к «струнам и струям». Предполагаемый А. И. Яцимирским русский источник записи о царе Симеоне в молдавской рукописи XVII в.¹⁸ следует искать в кругу трех древнерусских памятников — «Слова на воскресение Лазаря», «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Смешение слов «струн» и «струны», конечно, не было случайной ошибкой писца. Зная конкретную фразу о царе Давиде, возглававшем персты на «златыя струны», он сравнил с Давидом болгарского царя Симеона, в той или иной степени причастного к созданию «Златоструя». Он хорошо чувствовал эту игру смысловых оттенков близких по звучанию слов.

¹⁵ Текст «Задонщины» цитируется по изданию Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачев Л., 1982 С. 7—13 (В основу реконструкции положен список Ундольского)

¹⁶ См. Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве» Wien, 1984

¹⁷ Дмитриев Л. А. Литературная судьба «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» Л., 1985 С. 52 (Б-ка поэта Большая сер.)

¹⁸ А. И. Яцимирский предположил это на основании того, что имя царя Симеона сохранилось в Похвале только в рукописи РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 5/1082, 1445 г

Итак, перед нами процесс, когда один образ постепенно заменяется другим, теряя некоторые прежние функции и приобретая новые. Так, вещий Боян — это поэт, певец и языческий предсказатель; Давид — это поэт, певец, христианский (в средневековом восприятии) пророк и царь, несущий слово веры. Симеон — это не певец и не пророк, но царь и насадитель христианской книжной премудрости. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при описании Симеона «золотые струны», этот атрибут певца, исчезли, и появились «золотые струи» — эта аллюзия на «Златоструй».